

Письма А. П. Чехова

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П35

П35 Письма А. П. Чехова: Том 4 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 560 с.

ISBN 978-5-521-30188-1

ISBN 978-5-521-30188-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Куплено оно было зря, только потому, что подвернулось под руку. Достаточно того, что Антонъ Павловичъ передъ покупкой ни разу въ немъ не побывалъ и въѣхалъ въ него уже тогда, когда всё формальности были исполнены. Во всей усадьбѣ негдѣ было повернуться отъ массы рѣшотокъ и заборовъ, такъ неудобно было расположеніе въ ней угодій и построекъ. Къ тому же Чеховы переѣхали въ нее зимою, когда все было подъ снѣгомъ и когда, за неясностью границъ, нельзя было разобрать, гдѣ свое и гдѣ чужое. Но, несмотря на все это, первое впечатлѣніе Антона Павловича было благоприятное. По крайней мѣрѣ, онъ и вида не подаль, что имѣніе ему не понравилось. Бѣлый снѣгъ, близость весны и все новые и новые сюрпризы, открывавшіеся, благодаря таянію снѣга, нравились ему. То вдругъ оказывалось, что ему принадлежалъ цѣлый стогъ соломы, который считали чужимъ, то въ саду вдругъ появлялась цѣлая липовая аллея, которой не досмотрѣли раньше за глубокимъ снѣгомъ. Началась трудовая, созидательная жизнь. Все, что было дурного въ усадьбѣ, что не нравилось, тотчасъ-же уничтожалось или измѣнялось. Весь домъ былъ переклеенъ заново. Въ самой большой комнатѣ со сплошными стеклами устроили кабинетъ для Антона Павловича; затѣмъ шли: гостиная, комната для сестры, спальня Антона Павловича, комната отца, столовая и комната матери Евгеніи Яковлевны. Была еще одна проходная комната съ портретомъ Пушкина, носившая громкое названіе Пушкинской и предназначавшаяся для случайныхъ гостей. Но, несмотря на всё недостатки усадьбы, на отвратительную дорогу отъ станціи (13 верстъ) и на недостатокъ помѣщенія, наѣзжало столько гостей, что ихъ некуда было положить, и приходилось иной разъ устраивать постели даже въ сѣняхъ. Семья Антона Павловича въ это время со-

стояла изъ него самого, отца и матери, сестры и младшаго брата, пишущаго эти строки. Это были постоянные обитатели Мелихова.

Едва только сошелъ снѣгъ, какъ уже роли въ хозяйствѣ были распредѣлены: сестра принялась за огородъ и садъ, пишущій эти строки—за полевое хозяйство, самъ Антонъ Павловичъ—за посадку деревьевъ и уходъ за ними. Отецъ, Павелъ Егоровичъ, съ утра и до вечера расчищалъ въ саду дорожки и проводилъ новыя.

Новаго помѣщика увлекало все: и посадка луковицъ, и прилетъ грачей и скворцовъ, и посѣвъ клевера, и гусыня, выводившая птенцовъ. Съ самаго ранняго утра, часто даже часовъ съ четырехъ, Антонъ Павловичъ былъ уже на ногахъ. Напившись кофе, онъ выходилъ въ садъ и подолгу осматривалъ каждое фруктовое дерево или розовый кустъ: то подрѣжетъ сучокъ, то поправитъ вѣточку, а то долго сидитъ на корточкахъ у ствола и что-то наблюдаетъ на землѣ. Новая жизнь захватила его всего. Земли оказалось больше, чѣмъ было нужно (213 десятинъ), и пришлось вести полевое хозяйство, но работали общими силами сами, безъ всякихъ приказчиковъ и управляющихъ, всего только съ двумя рабочими Фроломъ да Иваномъ, и работы эти составляли для новыхъ обитателей удовольствіе и потребность, хотя и не обходилось, конечно, безъ разочарованій. Обѣдали рано—въ двѣнадцать часовъ. Уже въ 11 час. утра Антонъ Павловичъ, успѣвъ поработать и много написать, приходилъ въ столовую и молча многозначительно взглядывалъ на часы. Евгенія Яковлевна тотчасъ же вскакивала съ мѣста изъ-за своей швейной машины и начинала суетиться:

«Ахъ, Боже мой, Антоша хочетъ кушать!»

Начиналось дерганье звонка въ кухню, находив-

VII

шуюся. въ отдѣльномъ помѣщеніи. Прибѣгала съ большими встревоженными глазами Анята, и начиналось приготовленіе къ обѣду. «Скорѣй, скорѣй!» Но вотъ ужъ столъ накрытъ. Отъ множества разныхъ домашнихъ и всякихъ другихъ закусокъ, приготовленныхъ заботливой рукой Евгеніи Яковлевны, положительно нѣтъ на столѣ мѣста. Нѣтъ мѣста и за столомъ. Кромѣ пятерыхъ постоянныхъ членовъ семьи—обязательно обѣдаютъ и чужіе. Послѣ обѣда Антонъ Павловичъ уходилъ къ себѣ въ спальню, запирался, и тамъ «читалъ». Иногда это чтеніе превращалось въ объятія Морфея. Между послѣобѣденнымъ сномъ и чаемъ, который всегда накрывался въ 3 часа дня, Антонъ Павловичъ работалъ, а время отъ чая и до ужина (7 час. вечера) посвящалось прогулкамъ и труду. Самое веселое время въ Мелиховѣ—это были ужины. За ними, уставши за день, вся семья отдыхала, и велись такіе разговоры, на какіе былъ способенъ одинъ только Антонъ Павловичъ. Затѣмъ, въ 10 часовъ вечера, расходились спать. Тушили огонь, и все въ домѣ затихало, только слышно было негромкое пѣніе и монотонное чтеніе: это Павелъ Егоровичъ въ своей комнатѣ совершалъ всенощное бдѣніе: онъ былъ религіозенъ и любилъ помолиться вслухъ.

Это идиллическое распредѣленіе времени приведено только къ примѣру. Оно не всегда протекало такъ идиллически. Съ первыхъ же дней, какъ Антонъ Павловичъ переселился изъ Москвы въ Мелихово, всѣ кругомъ узнали, что онъ врачъ. Къ нему стали стекаться больные за 20—25 верстъ. Приходили, привозили больныхъ на телѣгахъ и далеко увозили самого Антона Павловича къ больнымъ. Съ самаго ранняго утра передъ его домомъ уже стояли бабы и дѣти и ждали отъ него медицинской помощи. Онъ выходилъ, выслушивалъ, высту-

VIII

кивалъ и никого не отпускалъ безъ совѣта и безъ лѣкарства; его постоянной помощницей, «ассистентомъ», была сестра Марія Павловна. Расходъ на лѣкарства у него былъ довольно порядочный, такъ какъ пришлось держать цѣлую аптеку. Будили и по ночамъ. Пишущій эти строки помнить, какъ среди ночи къ Антону Павловичу проѣзжавшіе мимо путники привезли человѣка съ проколотымъ вѣлами животомъ, котораго они подобрали по дорогѣ. Мужикъ былъ внесенъ въ кабинетъ, положенъ среди пола, и Антонъ Павловичъ долго возился съ нимъ, изслѣдуя его раны и накладывая повязки. Но что было для писателя тяжелѣе всего—такъ это посѣщать больныхъ у нихъ на дому: на поѣздки къ нимъ тратилось иногда по нѣскольку часовъ, и пропадало такимъ образомъ время, необходимое для занятія литературой.

Первая весна въ Мелиховѣ была холодная, голодная и затяжная. Пасха прошла въ снѣгу. При Мелиховѣ была церковь, въ которой служили только одинъ разъ въ годъ—именно на Пасху. Пріѣхали къ Антону Павловичу гости изъ Москвы. Чеховы вмѣстѣ съ ними составили хоръ и пропѣли всю пасхальную заутреню и обѣдню. По обыкновенію, хоромъ дирижировалъ Павелъ Егоровичъ. Было необычно и трогательно и очень понравилось мужикамъ: это открыло ихъ души къ новому владѣльцу.

Затѣмъ началась распутица. Дороги представляли собою нѣчто ужасное. При имѣніи находились только три заморенныхъ клячи, и не было ни одного клочка сѣна. Сѣна негдѣ было даже достать. Приходилось кормить лошадей рубленной топоромъ ржаной соломой, посыпанной мукой. При этомъ одна изъ лошадей была съ прокомъ: не шла со двора. Другую кто-то подмѣнилъ въ полѣ мертвой. Такимъ образомъ пришлось долгое

IX

время ѣздить на одной только безответной клячѣ, которую прозвали «Анной Петровной». Эта Анна Петровна ухитрялась бѣгать на станцію, возить писателя на практику, таскать бревна и ѣсть одну только солому, посыпанную мукой. Но Антонъ Павловичъ съ семьей не унывалъ. Всегда ласковый, веселый, бодрый, онъ подбодрялъ другихъ, работа кипѣла, и не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ все въ усадьбѣ перемѣнилось, домъ сталъ полной чашей; застучали топоры плотниковъ, были куплены шесть лошадей, и всѣ весеннія полевые работы были выполнены безъ опозданія и по всѣмъ правиламъ науки. Объ опытѣ, конечно, не могло быть и рѣчи, книгъ же по сельскому хозяйству была накуплена масса, и каждый, даже самый маленькій, вопросъ обсуждался сообща.

Повидимому, первые успѣхи сельскаго хозяйства очень радовали Антона Павловича. Десять десятинъ у него было подъ рожью, десять подъ овсомъ, цѣлые десятки десятинъ подъ покосами. На огородѣ творились чудеса: зрѣли на воздухѣ баклажаны и артишоки. Антонъ Павловичъ повеселѣлъ. Онъ уже мечталъ о томъ, что имѣніе дастъ ему тысячу рублей прибыли, но мечты такъ и остались мечтами. Засушливая весна и лѣто погубили овесъ и рожь, косьба травы сдана была мужикамъ исполу, и Антону Павловичу достался только одинъ небольшой стожокъ сѣна; только на огородѣ по-прежнему было прекрасно. Антонъ Павловичъ ходилъ по своей усадьбѣ, не унывалъ, наблюдалъ за гусями и гусенятами, по-прежнему ковырялся около фруктовыхъ деревьевъ и разговаривалъ съ всегда сопровождавшими его собаками—Бромомъ и Хиной.

Эти Бромъ и Хина были таксы, черненькій и рыженькая, и были присланы Антону Павловичу въ подарокъ еще щенками извѣстнымъ юмористомъ Н. А. Лейкинымъ.

Хина скоро зажирѣла, такъ что брюхо у нея чуть не волочилось по землѣ. Антонъ Павловичъ прозвалъ ее страдалицей. Каждый вечеръ, послѣ ужина, Хина обязательно подходила къ нему, ставила ему на колѣни переднія лапки и жалостливо и преданно смотрѣла ему въ самые глаза. Антонъ Павловичъ измѣнялъ выраженіе своего лица и разбитымъ, старческимъ голосомъ говорилъ:

«Хина Марковна!.. Страдалица!.. Вамъ бы лечь въ больницу... Вамъ-ба тамъ-ба полегчило-ба-бъ!..».

Цѣлые полчасы онъ проводилъ съ этой собакой въ разговорахъ, отъ которыхъ всѣ домашніе помирали со смѣху.

Положеніе Мелихова на большой дорогѣ и вѣсть о томъ, что вотъ-де тамъ-то поселился писатель Чеховъ, повели неминуемо къ новымъ знакомствамъ. Къ Антону Павловичу стали заѣзжать врачи и мѣстные земскіе дѣятели, завязались сношенія съ уѣздной администраціей, и кончилось дѣло тѣмъ, что Антона Павловича выбрали въ члены Серпуховскаго санитарнаго совѣта.

А тѣмъ временемъ на югѣ Россіи уже свирѣпствовала холера. Съ каждымъ днемъ она все ближе и ближе подходила къ Московской губерніи. Захватъ ея становился все шире и шире, такъ какъ она находила для себя удобную почву среди населенія, обезсиленнаго за осень и зиму голодомъ. Необходимо было принимать спѣшныя мѣры для встрѣчи холеры,—закипѣла работа и въ Серпуховскомъ земствѣ. Были приглашены врачи и студенты, но участки были велики, и, несмотря на добрыя пожеланія, въ случаѣ появленія холеры, все равно земство осталось бы безъ рукъ. Тогда Антону Павловичу, какъ члену санитарнаго совѣта и какъ врачу, было предложено принять на себя завѣдываніе холернымъ участкомъ. Онъ тотчасъ же согласился, безвозмездно. На его долю

выпала тяжелая работа: средствъ у земства не было; кромѣ одной парусинной палатки, во всемъ участкѣ у Антона Павловича не было походнаго барака, и ему приходилось ѣздить по мѣстнымъ фабрикантамъ и убѣждать ихъ съ своей стороны принимать посильныя мѣры къ борьбѣ съ холерой. Его усилія увѣнчались успѣхомъ. Скоро весь участокъ, въ которомъ было до 25 деревень и селъ, покрылся цѣлой сѣтью необходимыхъ учреждений. Нѣсколько мѣсяцевъ Антонъ Павловичъ почти не вылѣзалъ изъ тарантаса. Въ это время ему приходилось и ѣздить по участку, и принимать больныхъ у себя на дому, и заниматься литературой. Разбитый, усталый, возвращался онъ домой, но держалъ себя дома такъ, точно дѣлаетъ пустяки, отпускалъ шуточки и по-прежнему всѣхъ смѣшилъ и велъ разговоры съ Хиной объ ея предполагаемыхъ страданіяхъ.

Къ первой же осени усадьба стала неузнаваема. Были перестроены службы, сняты лишніе заборы, насажены прекрасныя розы и разбитъ цвѣтникъ, и въ полѣ, передъ воротами, Антонъ Павловичъ затѣялъ рытье новаго большого пруда. Съ какимъ интересомъ онъ слѣдилъ, какъ подвигались на немъ съ каждымъ днемъ работы! Съ какимъ увлеченіемъ онъ сажалъ вокругъ него деревья и пускалъ въ него маленькихъ карасиковъ и окуньковъ, которыхъ привозилъ съ собою въ баночкѣ изъ Москвы! Этотъ прудъ походилъ потомъ больше на ихтіологическую станцію, чѣмъ на прудъ: я не знаю въ Россіи ни одного вида рыбы, кромѣ щуки, представителей котораго Антонъ Павловичъ не имѣлъ бы въ своемъ пруду. Этотъ прудъ былъ его дѣтищемъ. Онъ любилъ потомъ сидѣть на плотикѣ на его берегу и съ восторгомъ наблюдать, какъ на его поверхности, въ часы заката, вдругъ появлялись цѣлыя стада маленькихъ рыбокъ и стремительно скрывались затѣмъ въ глу-

ХП

бину. Еще раньше въ Мелиховѣ былъ выкопанъ превосходный колодезь. Антону Павловичу очень хотѣлось, чтобы онъ былъ на малороссійскій ладъ съ журавлемъ. Но мѣсто не позволило, и онъ былъ сдѣланъ съ большимъ колесомъ и выкрашенъ въ желтую краску, какъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Вопросъ о томъ, гдѣ рыть этотъ колодезь, и будетъ ли въ немъ хорошая вода, очень занималъ Антона Павловича. Ему хотѣлось точныхъ свѣдѣній, правильно обоснованной теоріи, такъ какъ девять десятыхъ Россіи пользуются водою именно изъ колодцевъ и съ незапамятныхъ временъ, но всякій разъ отъ приходившихъ къ нему масальскихъ землекопальщиковъ онъ слышалъ всегда одинъ и тотъ же непредѣленный отвѣтъ:

«А кто жъ его знаетъ? Дѣло Божье! Развѣ узнаешь заранѣе, какая будетъ вода!»

Но колодезь, какъ и прудъ, вышли на славу. Вода оказалась превосходной. И, гуляя по берегу своего пруда и глядя на колодезь, Антонъ Павловичъ самодовольно улыбался и говорилъ:

«Ну, теперь водяной вопросъ для Мелихова уже рѣшонъ! Теперь бы еще выстроить новую усадьбу у пруда или перенести ее въ другой участокъ. Вотъ было бы хорошо!»

И онъ серьезно сталъ замышлять о постройкѣ новой усадьбы. Творческая дѣятельность была его стихіей. Его не удовлетворяло то, что было уже налицо, готово, ему хотѣлось созидать, творить новое, и, конечно, не для себя, а для другихъ. Онъ сажалъ маленькія деревца, разводилъ ели и сосны прямо изъ сѣмянъ, заботился о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ, и, какъ полковникъ Вершининъ изъ его же «Трехъ Сестеръ», глядя на нихъ, мечталъ о томъ, что будетъ изъ нихъ черезъ двѣсти—триста лѣтъ.

ХІІІ

Зима 1893 года въ Мелиховѣ была суровая, многоснѣжная. Снѣгъ выпалъ подъ самыя окна, такъ что прибѣгавшіе въ садъ зайцы становились на заднія лапки передъ самыми окнами кабинета Антона Павловича. Расчищенные въ саду дорожки походили на траншеи. Теперь ужъ Антонъ Павловичъ управился съ санитарной дѣятельностью и зажилъ жизнью отшельника. Марія Павловна уѣзжала въ Москву на службу, въ домѣ оставались только мать и отецъ, и часы тянулись необыкновенно длинно. Ложились еще раньше, чѣмъ лѣтомъ, и случалось такъ, что Антонъ Павловичъ просыпался въ первомъ часу ночи, садился заниматься и затѣмъ укладывался спать снова. Къ шести часамъ утра весь домъ былъ уже на ногахъ. Антонъ Павловичъ въ эту зиму много писалъ. Но какъ только пріѣзжали гости, жизнь круто измѣнялась. Пѣли, играли на рояли, смѣялись. Остроумію и веселости не было конца. Евгенія Яковлевна напрягала всѣ усилія, чтобы столь помился отъ яствъ, Павелъ Егоровичъ съ таинственнымъ видомъ выносилъ откуда-то различныя, спеціально заготовленныя, настоечки и наливочки, и тогда казалось, что Мелихово имѣетъ что-то особенное, свое, чего не имѣла бы никакая другая помѣщичья усадьба. Антонъ Павловичъ всегда былъ особенно доволенъ, когда пріѣзжали къ нему Л. С. Мизинова и И. Н. Потапенко. Онъ ихъ любилъ, и вся его семья радовалась ихъ пріѣзду. Тогда ужъ дымъ поднимался коромысломъ, ложились спать далеко за полночь, и въ такіе дни Антонъ Павловичъ писалъ только урывками, только потому, что это было потребностью его духа. И всякій разъ, урвавъ минута или двѣ, онъ писалъ строчекъ пять—шесть и снова поднимался и шелъ къ гостямъ:

«Написалъ на шестьдесятъ копеекъ!..» говорилъ онъ, улыбаясь.

Тогда была въ модѣ «Серенада» Брага, и Антонъ Павловичъ любилъ, когда И. Н. Потапенко игралъ ее на скрипкѣ, а Л. С. Мизина пѣла. Пѣлъ и Потапенко.

Получивъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, Антонъ Павловичъ очень любилъ справлять Татьянинъ день. Не было случая, чтобы онъ не поспраздновалъ этотъ день, когда жилъ въ Москвѣ. И въ эту первую зиму 1893 года судьба забросила его на 12-е января въ Петербургъ. Вдали отъ Мелихова и отъ Москвы, онъ не забылъ «Татьяну» и тамъ собралъ въ этотъ день въ Петербургскомъ ресторанѣ «Малоярославецъ» всю семью литераторовъ. Праздновали, говорили рѣчи, и такъ удался этотъ починъ Антона Павловича, что собирались потомъ писатели и безъ него, и эти ихъ бесѣды носили названіе «Обѣдовъ беллетристовъ».

Живя постоянно въ Мелиховѣ, Антонъ Петровичъ часто наѣзжалъ въ Москву и въ Петербургъ. Въ большинствѣ случаевъ приходилось останавливаться въ гостиницахъ, и здѣсь для него возникали недоразумѣнія изъ-за паспорта. Какъ землевладѣлецъ и *persona grata* въ Серпуховскомъ уѣздѣ, онъ, конечно, не нуждался тамъ въ какихъ-либо полицейскихъ удостовѣреніяхъ личности и жилъ по университетскому диплому, въ столицахъ же, при старомъ паспортномъ уставѣ, ему не выдавали паспорта потому, что онъ постоянно жилъ въ провинціи. Происходили недоразумѣнія, иногда обострившіяся въ цѣлые инциденты и заставлявшія писателя преждевременно уѣзжать домой. Тогда кто-то подаль Антону Павловичу мысль поступить на государственную службу и тотчасъ же подать въ отставку. Какъ извѣстно, отставные чиновники получали тогда вѣчный видъ на жительство отъ того учрежденія, въ которомъ служили. Сидя въ Мелиховѣ, Антонъ Павловичъ подаль прошеніе въ Медицинскій Департаментъ объ опре-